

ГОЛУБАЯ ТЕТРАДЬ

Жители дачного городка Зарянск, должно быть, до сих пор помнят объявление в местной газете:

«Ошибочно получена почтовая бандероль — толстая тетрадь в голубом переплете с надписью на первой странице: «Записки военного летчика». Обращаться по адресу...»

Это мое объявление. Помнится, писал я его позапрошлой осенью, когда посадки и недалекие леса вспыхнули золотисто-охряным нежгучим полымем, точно зарянскую округу заполнили ослепительно яркие фазаны или еще какие чудо-птицы. Минули с той поры две зимы и весна, теперь вот и второй апрель шагает по волглой земле, а за голубой тетрадью так никто и не пришел.

И посоветовали мне друзья:

— А ты приоткрой тайну «записок», именно лишь приоткрой, дабы отозвался истинный хозяин их и распорядился ими по своему усмотрению.

Честно говоря, если бы эта история произошла не со мной, я усомнился бы в ее достоверности и, разумеется, не стал бы обнародовать ее.

Итак, открываю голубую тетрадь.

Запись первая

Конец разбойной «чайки»

Меня вызвали в штаб эскадрильи. Я не спросил: зачем? Не принято.

— Садись, — командир назвал меня по имени и положил передо мной полетную карту.

По имени у нас никого не называли, и такое обращение удивило меня. Пока я раздумывал, как мне отнестись к этому исключению из правил, комэск начал разговор, показав карандашом черный кружок:

— По данным разведки, вот на этом аэродроме прячется «чайка»-разбойница. Вылетает два раза в день — во время восхода и захода солнца. По обыкновению она или пристраивается к нашим самолетам, затем нападает на них, или подкрадывается к аэродромам и одним-двумя заходами

штурмует стоянки самолетов и автомашин. Сегодня у соседей разбойничала с утра. Так вот, надо выследить ее и сбить. На позывные «Сокол» не отвечай, потому что, как предполагают, летчик на этой «дикой «чайке» умеет говорить по-русски и, вероятно, знает наши позывные. Несколько дней ты будешь «охотником».

— В каком районе патрулировать?

— Пока вокруг нашего аэродрома. Судя по тому, что нападению подверглись соседи, теперь ушкуйник попробует промышлять у нас. Понятно?

— Так точно!

Все было ясно: надо перехватить ту самую «чайку», что уже однажды по-воровски приходила к нам, и рассчитаться с ней за все ее черные дела. Но как это сделать?

— Помнишь? — спросил командир.

Я знал, о чем он думал — о ней, о «дикой».

— Да, помню.

Налетела она настолько неожиданно, что никто из нас не мог сообразить, как могло такое случиться...

Мы учились тогда атакам по наземным целям. В стороне от взлетно-посадочной полосы, почти у самой обочины аэродрома расчистили небольшую площадку, побелили извесью круг метров пять в диаметре и в центре его поставили несколько бочек из-под бензина. По ним-то и предстояло вести прицельный огонь.

Первым поднялся в воздух Алексей Николаевич. Он — командир, ему и начинать показательную штурмовку. А мы — летчики, техники и мастеровой народ — стояли поодаль и с любопытством наблюдали за его самолетом.

Хотя на горизонте не было ни одного облачка и мы с минуты на минуту ожидали комэска, на цель он обрушился точно вихрь — внезапно и стремительно. Его «чайку» мы заметили у самого края аэродрома, когда она, сделав небольшую «горку», ринулась на белый круг.

С лету командир саданул из всех четырех пулеметов по железным бочкам — рrrrr! — и взмыл свечой. Оказывается, наша «балерина» — так мы называли самолет И-153 за хорошую маневренность — страшное и грозное оружие в умелых руках.

Не успела еще осесть пыль, поднятая свирепой воздушной струей, как Алексей Николаевич оказался в зените. Разогнав машину, он бросил ее чуть ли не в отвесное пикирование. Любо смотреть было на такую атаку!

И вдруг кто-то с явным сожалением простонал:

— Эх, перелет...

Я тоже заметно волновался: видно, командир не рассчитал угол атаки — цель уже была под животом «чайки». Но что это? Комэск не выгнул традиционную петлю, как мы ожидали, снизу вверх, по ходу полета, а загнул ее в обратную сторону — начал выводить машину из пикирования вниз головой. Несколько мгновений он летел параллельно земле в перевернутом положении.

— Тр-тр-р-р! — услышали мы пулеметный залп.

Разрезанные свинцовой очередью, бочки развалились на бегом пятачке, а «чайка», перевернувшись через крыло, стремительно ввинчивалась в высоту.

— Мать честная!

— Вот это резанул!

— Ас!

Удар был мастерский, и всем хотелось посмотреть на его результаты вблизи. Однако едва мы сделали несколько шагов, как над головой снова увидели знакомые очертания самолета. Подивились: когда успел обернуться командир? Огонь оборвал удивление. «Чайка» била по людям, по незамаскированному связному самолету, по санитарной машине...

Прижатый свинцом к земле, я с тоской думал: «Кто убил Димку Кириллова, рыжего громоздкого радиста, поджег «санитарку», ранил ее шофера? Кто взорвал ПО-2?»

Я приподнял голову и не поверил своим глазам: Алексей Николаевич рулил по аэродрому. Кто же стрелял? Летучий призрак?

— Это «дикая «чайка», — выбравшись из кабины и узяв о внезапном налете, сказал комэск.

...И вот теперь я должен найти воздушного пирата и вступить с ним в поединок.

— Смотри там, поосторожней, Митя, — заботливо предупредил меня Алексей Николаевич. — Немец, видать, стреляный воробей.

Мне стали понятны необычное обращение на «ты», предостережение, теплота напутствия: коварный летчик с «дикой «чайки» не остановится ни перед чем...

Минут за тридцать до вечерней зари я поднялся в воздух. Делал круг за кругом над аэродромом, отходил от него и снова приближался, забирался на высоту и летал у самой земли. Но разбойницы не было вблизи нашей округи.

Утром вылетел за полчаса до восхода солнца, однако и на этот раз охота не дала никаких результатов. Зря потратил бензин.

— А она ходит на разбой,— сообщил комэск.— Позавчера обстреляла обслуживающий батальон, вчера подожгла ремонтные мастерские. Искать надо, Кузнецов, искать!

И я охотился еще два дня. Бесплодные поиски были похожи на погоню за призраком и начали раздражать, но командир все гнал и гнал меня в воздух: «Искать надо, Дмитрий, искать».

На земле уже вечерело, когда я снова ушел на охоту. Чем выше поднималась моя «балерина», тем дальше отступал горизонт и, казалось, шире становилось небо. При такой видимости — «миллион на миллион» — самолет можно обнаружить издали, за несколько километров. «Зачем же «дикая» будет себя демаскировать, подниматься в эту зеркальную высь?» — подумал я и тут же отдал ручку управления от себя.

«Чайка» полого теряла высоту. Просматривая воздушное пространство, я залюбовался крылом зари, таявшим где-то далеко-далеко, за земной покатостью. И мне невольно захотелось коснуться волшебной яркости этого крыла, сотканного из всех цветов, существующих в природе.

Плавные переходы. Ласковые тона. Но вот кто-то перечеркнул эту гармонию белесым росчерком снизу вверх, сломал заревую гармонию и сам скрылся в хаосе красок. Этим «кто-то» мог быть только самолет.

— Она. «Дикая»! — не сдержал я голоса и, толкнув форсаж — рычаг увеличения мощности двигателя до упора, ринулся наперехват.

Инверсионный след тянулся к нашему аэродрому. Сомнений быть не могло: «чайка»-разбойница крадется на черный промысел. Все ликовало во мне. Наконец-то я выследил ее! Еще минута-другая — и быть поединку. Высота, скорость, внезапность — все преимущества на моей стороне.

До аэродрома оставалось километра два-три, когда разбойный самолет, словно щука из мутной воды, вынырнул из расплывшихся красок заката. Для удара по аэродрому ему нужна была высота. И тут-то летчик с «дикой», наверно, заметил меня. Но куда он денется, если мы идем на параллельно-пересекающихся курсах, если моя машина висит над ним домокловым мечом?

Я снял предохранитель с пулеметных гашеток. Расстояние сокращалось с непостижимой быстротой. Еще несколько секунд, и можно открывать огонь по врагу. Вот уже «дикая» всей своей зеленой спиной вписывается в круг моего прицела. С губ готова сорваться команда самому себе: «Глуши ее, Димка!» Предельное напряжение, с каким я ожидал схватки с этим коварным недругом, все мое спружинившееся естество через какое-то мгновение взорвутся сладостным ощущением победы.

Да, черт возьми, «есть упоение в бою»!

Мгновение... В прицеле — зелено... Упоение... Но где же зеленый цвет? Все кругом голубое, теплое, убаюкивающее. И кончики пальцев, нажимавшие на гашетку, тоже наливаются чем-то голубым и становятся легкими, невесомыми, безвольными. Ах, как хорошо катиться с высокой и отлогой горы на санках! Дух захватывает... Сердце замирает...

Очнулся я у самой земли и едва справился с машиной, выводя ее из штопора. А когда сел, преодолевая головную боль и страшную слабость во всем теле, услышал голос доктора, глухой и какой-то далекий:

— В кабине газ. Чувствуете?..

Немец отравил меня. В момент атаки он открыл газовые баллоны и спутная струя швырнула невидимую смерть под винт моего самолета. Отравленный воздух проник в кабину, и я потерял сознание.

— А как же он? — спросил я командира о вражеском летчике.

— Я говорил, что немец — стреляный воробей. Мы наблюдали за поединком с аэродрома. Когда с борта твоей машины вот-вот должны были вырваться четыре огненных жгута, «дикая «чайка» резко перевалилась через крыло и как бы поднырнула под тебя. А ты проскочил вперед и стал падать. Выстрелов не было, и мы не знали, в чем дело. На всякий случай я все время радировал: «Охотник», возьми управление! «Охотник», возьми управление!»

— Может быть, поэтому я и пришел в себя?

— Не знаю, но родился ты под счастливой звездой.. Поиск сам будешь продолжать или поручить другому летчику?

— Если можно, буду сам искать.

— Правильно, — согласился командир эскадрильи. — Теперь у тебя и опыта больше, и злости тоже.

И я снова стал бороздить небо — охотиться за разбойной «чайкой»...

Утро выдалось скучным, сереньким. С запада плыли клочковатые облака, свисавшие так низко, что от аэродрома не просматривался даже соседний лесок. Заря попыталась поджечь небо, но синева, зажатая облаками, не загорелась, и золото пламени погасло. Однако просветы меж ватными клочьями стали светлее и как бы просторнее.

Красивы, причудливы утренние облака. То они похожи на медленно бредущие отары овец, то на беспорядочно громоздящиеся торосы льда, то на горную гряду, которой, кажется, нет ни конца, ни края, то на огромный город с площадями, улицами и переулками.

Я ныряю по облачным закоулкам, обшариваю их, ищу осточертевшую «чайку». Нет, блуждать она здесь не будет. Ее надо искать у западной или южной окраин аэродрома, почти над самой землей. Покидаю облачный город, иду вниз. В мутном просвете между двумя клубящимися серыми глыбами скользнула тень.

«Она», — обожгла догадка. Включаю форсаж и кидаюсь вслед промелькнувшему призраку. Только бы не спугнуть, подойти незамеченным. До рези в глазах всматриваюсь в муть всклокоченного неба. Если «чайку»-разбойницу не найду сейчас, упусти ее, придется еще несколько дней утюжить воздух.

Недруг крадется вдоль западной окраины аэродрома, чтобы атаковать с восточной стороны, откуда меньше всего ожидается нападение, и, не разворачиваясь, уйти восвояси. А уйти легко: у него надежный союзник — облачность. Нижняя кромка облаков висит метрах в двухстах над землей. Это очень удобно для разбойного, черного дела.

Обогнув аэродром, я снизился до ста двадцати метров и скорее почувствовал, чем увидел, что бандит ниже и чуть впереди меня. Вся злость, скопившаяся во мне, вылилась в одном слове: «Сволочь!»

Вероятно, я выругался вслух, потому что с борта «дикой «чайки» тотчас донеслось:

— «Сокол», я свой.

И в подтверждение этого немецкий летчик покачал крыльями.

«Свой?» Таких «своиков» надо выжигать каленым железом. А ну, что он будет делать?

На старте не было машин, и фашист направил самолет вдоль стоянки. Еще несколько секунд, и запылают «балеринки». Целюсь прямо в фонарь кабины. Поняв, что за спиной

смерть, немец круто шарахнулся в сторону. Но слишком много раз «сбивал» меня в свое время командир эскадрильи, делавший головокружительные виражи, чтобы я промахнулся сейчас. Ударил из всех четырех вороненых сразу, и «чайка»-разбойница как бы споткнулась и тяжело рухнула вниз.

Останки ушкуйника уже догорали у штабной землянки, когда я подошел к летчикам и техникам, столпившимся вокруг костра.

— Что ты наделал? — с напускной строгостью воскликнул комэск. — Чуть ли не в штаб загнал фрица! — Он облапил меня, сильно тиснул, потом отстранил и посмотрел в лицо: — Ну, спасибо, Митя. Прикончил разбой. А то уж я сам хотел снаряжаться в погоню.

Запись вторая

Ванюша-моторист

Наше звено стояло в засаде неподалеку от села Вольное. Мы взлетали с небольшой лесной поляны, стремительно вступали в бой с фашистскими самолетами и снова садись, выжидая удобного момента для перехвата.

Приметив, где садятся «чайки», сельский паренек Ваня Григорьев пришел однажды на «пяточок».

— Ты к кому? — спросил я Ваню.

— К летчикам, — ответил он, пристально разглядывая мои петлицы. — Голубые! — глаза мальчишки загорелись огоньками радости. — У вас еще есть такие?

— Есть. Хочешь — подарю?

Ваня благодарно кивнул вихрастой головой...

— А вы «мессершмиттов» сбивали? — полюбопытствовал он.

— Приходилось.

— И «хейнкелей»?

— И «хейнкелей», Ванюша, сбивал.

— Из нашего села и танкисты, и артиллеристы, и пехотинцы есть, только летчиков нет.

— Что же так?

— Не взяли никого в летчики, — с сожалением ответил Ваня. — А я обязательно летать буду, я сильный. Во, посмотрите! — Он вздернул рукав рубашонки и показал мускулы. — Примут меня?

— Лет-то тебе сколько?

— Скоро четырнадцать, — сразу сник мой приятель.

— Маловато, брат. Годика через четыре примут, пожалуй.

— Так тогда уже и война кончится, — разочарованно произнес мальчик.

— И хорошо, что кончится. Летчики, Ваня, и в мирное время нужны. Будешь возить пассажиров, почту или грузы на новостройки, увидишь и северные льды, и желтые пески пустынь — много интересной работы у летчиков.

— Нет, — покачал головой Ваня, — я хочу быть истребителем. — И вдруг ни с того ни с сего: — А мне можно приходить сюда каждый день?

— Не знаю, Ванюша. Надо спросить командира.

— Ну, так я спрошу, завтра спрошу, — решил он.

Вскоре Ванюша стал своим человеком в нашем звене, потому что командир сказал ему: «Так и быть, зачислим тебя нештатным мотористом».

Мальчик всегда первым встречал нас с боевого задания. Выбежит на опушку леса, приложит ладонь «козырьком» к глазам и смотрит — все ли возвратились, не посечены ли снарядами машины, не ранен ли кто из нас. Чувство тревоги не покидало его до тех пор, пока кто-нибудь из летчиков, находясь еще в кабине, не поднимал приветственно руку: все в порядке!

Вот так же было и 18 августа — в День Воздушного Флота. Мы вернулись на аэродром без потерь. Парнишка, одетый в подогнанное по росту обмундирование механика Трефилова, носился от самолета к самолету, как ветер.

— С праздником вас! — Ваня счастливо улыбался, приветствуя летчиков по-военному. Четырежды взлетала его ладонь к старенькой стираной пилотке, чудом державшейся на вихрастой голове, и четырежды звенел его высокий голос: — С Днем Воздушного Флота!

— Спасибо! — поблагодарил Ваню командир звена и, настроив аппаратуру, доложил по радио в штаб эскадрильи о результатах боевого вылета: — Уничтожено два «мессершмитта» и шесть планеров с диверсантами.

Мальчика больше всего занимала романтика боя. Уж очень интересно, как это четвертым советским летчикам удалось справиться с такой оравой фашистов.

— Они стреляли в вас?

— Стреляли, — ответил я мальчику. — Вон, посмотри, как

механики заделывают пробойны на самолетах. В Джуру Назарова палили даже с планера из автоматов, пистолетов и ракетниц.

— И не сбили?

— Нет, Джура увертливый.

— Как ваш командир, да?! — восхитился Ванюша и, не ожидая ответа, произнес: — Эх ты-и!

Потом он рассказал, что утром передавали сводку об итогах боев за последние три месяца. Самое главное, считал Ваня, в этой сводке то, что немцы потеряли «не менее четырех тысяч самолетов».

— Это не считая тех, которые сбиты сегодня и вчера. Верно, Мить?

— Верно.

— Дай мне свою карту.

— Зачем?

— Я посмотрю, где Клетская, Котельниково, Минеральные Воды и Краснодар. Там идут самые сильные бои. А на других участках фронта, — заученно произнес Ваня, — существенных изменений не произошло.

Мальчик уже настолько освоился, что всех называл по имени, только к командиру обращался «по уставу» — товарищ старший лейтенант! — да Трефилова звал, как и мы, Василь Ванычем.

— Василь Ваныч сказал, что займется со мной материальной частью, — щегольнул паренек технической фразой, — а потом уже, говорит, Митя возьмет над тобой шефство. А ты взаправду обещаешь?

— Посмотрю, как освоишь специальность моториста.

— Я буду стараться! — солидно произнес Ваня.

В перерывах между вылетами, пока Трефилов осматривал мою «чайку», мальчишка напяливал чей-нибудь старенький комбинезон и усердно мыл самолет отстоем бензина и теплой мыльной водой. При этом он неизменно повторял одну и ту же фразу:

— Чистота — залог здоровья. Верно, Василь Ваныч?

— А как же! — утверждал Трефилов. — Самолет — сложная штука и требует к себе вежливого обращения.

Мальчик тер «чайку» до зеркального блеска. Потом он просил Трефилова принять работу и после этого начинал допытывать его расспросами:

— Это пропеллер?

— Нет, винт, — поправлял его механик.

— А почему он называется ВИШ?

— Винт изменяемого шага.

— Разве он шагает? — удивлялся Ваня.

— Шагает, да еще как! У земли воздух плотнее, поэтому винт делает маленькие шажки, а на высоте разреженнее, и винт шагает там широко, чтобы побольше загрести лопастями воздуха.

— Воздух везде одинаковый,— возражал маленький помощник,— это я сам проверил. Вчера забирался на самую макушку вон той сосны...

Трефилов улыбался мальчишеской наивности и посылал Ваню ко мне:

— Спроси у командира экипажа.

— Верно, Митя?

— Верно. Уже на высоте четырех тысяч метров мне приходится надевать кислородную маску: в атмосфере не хватает кислорода.

Он спрашивал Трефилова, почему на самолете много разных частей и деталей с непонятным названием: фюзеляж, струбцина, траверс, триммер. Ведь самолет — это наше слово!

— Откуда ты знаешь?

— Во Франции или там еще где не придумали бы сказку о ковче-самолете,— резонно замечал Ваня,— а у нас придумали. А что такое амероид?

— Анероид, Ваня,— поправлял старшина.— Рано тебе. Не поймешь. Давай-ка лучше помаракуем вот над этим самолетом.

Трефилов делал тележку для подъема и перевозки от самолета к самолету громоздких баллонов, заряженных сжатым воздухом. А Ваня вертелся около него, подавая инструменты, и, как всегда, успевал задавать массу вопросов.

Однажды с основного аэродрома приехал инженер проверять наши самолеты. Очередь дошла до моей «чайки».

— Снимай капоты, Трефилов,— приказал инженер.

— Зачем? — с хитрецей произнес старшина.— Натe, посмотрите формуляр.

Инженер нацелился глазом в записи: «Регламентные работы произведены».

— Проверьте, товарищ инженер третьего ранга.

— Когда успел, с кем? — для виду осведомился тот. Он верил Трефилову, надеялся на него как на одного из самых

опытных специалистов — и чего уж там — своего любимчика.

— Вот с помощником потихоньку копались, — представил Трефилов мальчонку.

— Это что еще за мужичок с ноготок? — удивился инженер.

— Мне пятнадцатый с зимы пойдет, товарищ военный инженер третьего ранга! — вытянулся Ваня перед приезжим начальником. Правую руку у виска он держал до тех пор, пока инженер не сказал:

— Вольно! Значит, пятнадцатый с зимы пойдет? Солидно... Как величать-то тебя?

— Иван Григорьев!

— Тезки, выходит? — Парнишка ему явно понравился. — А это что за агрегат у вас?

— ТАТ, — поспешно ответил паренек, опережая Трефилова: ему хотелось сделать своему шефу что-нибудь приятное.

— Что, что?

— Тележка авиационная Трефилова, — невозмутимо ответил Ваня. — Разве нельзя сокращенно? Называют же пропеллеры ВИШами. У земли работают на малом шаге, на высоте — на большом.

— Ну и ну! — удивился Иван Григорьевич. — Значит, ты не только практик-моторист, но и в теории преуспеваешь. Уважаю таких людей.

От похвалы инженера мальчик был на седьмом небе и не знал, чем бы еще порадовать Ивана Григорьевича. Наконец он спохватился:

— Вот смотрите! — взялся за ручку тележки, накренил ее и ловко подцепил рычагами баллон со сжатым воздухом, тот самый баллон, который приходилось поднимать и переносить вдвоем. Потом бегом прокатил груженую тележку от самолета к самолету с завидной ловкостью: вот, мол, какая она, ТАТ!

Инженер улыбался. Он был искренне доволен этим самодельным новшеством. Попробовав легкость хода, сказал:

— Вижу, не зря тебя приняли в звено. Хорошим помощником будешь Василь Ваньчу, — и пожал замасленную руку паренька.

Ванюша-моторист ликовал. Шутка ли: сам инженер удостоил похвалы!

Посмертная награда

Вражеская артиллерия, сосредоточенная за рекой Угрой, мешала продвижению наших наземных войск. На всякую попытку наступления она отвечала ураганным огнем. Командование поставило задачу перед авиацией: нанести штурмовой удар по скоплению артиллерии и во что бы то ни стало подавить ее. Выполнение этого ответственного задания возложили на штурмовой полк, а мы должны были сопровождать «ильюшиных».

13 августа сорок третьего года мы взяли курс на запад, в район сел Ветитнево и Сос. Я шел ведущим последней пары истребителей. Наряду с основным заданием мне поручили сфотографировать один из участков переднего края, а также результаты штурмового удара.

Подойдя к цели, мы не обнаружили воздушного прикрытия: вероятно, противник надеялся на мощь своих артиллерийских стволов. Штурмовики начали сбрасывать противотанковые бомбы, обстреливать вражеские батареи реактивными снарядами, пушечно-пулеметным огнем. Один за другим возникали взрывы страшной силы, заволакивая берега Угры дымной пеленой.

Фашисты отстреливались настолько яростно, что разрывы зенитных снарядов казались огненно-металлическим фейерверком. Но наша группа сделала свое дело.

«Мессершмиттов», как я уже сказал, не было, и наши истребители действовали тоже по немецким батареям, как штурмовики. Нажав на кнопку электросбрасывателя, я выпустил последние реактивные снаряды, затем включил фотоаппарат, чтобы сфотографировать результаты штурмового удара. Самолет уже выходил из пикирования, когда я физически ощутил взрыв зенитного снаряда. Машину подбросило и перевернуло. Правую плоскость оторвало, фонаря кабины как не бывало. Неуправляемый МИГ стремительно падал к земле...

Отстегнув привязные ремни, я едва успел оставить кабину. Приземлившись, поспешно сбросил парашют и выхватил из кобуры пистолет. Метрах в ста пятидесяти от меня догорали обломки моей машины.

— Хальт! — донеслись до меня хриплые голоса.

Немцы приближались, строча из автоматов слева и спра-

ва от меня, дабы я не сумел уйти. Ну нет, шутки шутите. Вот уже они совсем рядом, ближе подпускать нельзя. И я начал в упор расстреливать их. Было четыре солдата, стало четыре трупа. Но где-то рядом притаились еще десятки, сотни гитлеровцев, и мне ничего другого не оставалось, как скрыться в кустарнике. И сразу же от орудия, ствол которого торчал неподалеку, свинцовой струей хлестнул пулемет. Пули просвистели над головой.

Надо было уходить, чтобы не оказаться в плену. Теперь уже никто не поможет мне — ни штурмовики, ни истребители. Случись это в поле, кто-нибудь сел бы, чтобы забрать меня в кабину или фюзеляж. И немцы не посмели бы сунуться: ребята ходили бы по кругу до тех пор, пока приземлившийся самолет не взлетел бы с потерпевшим бедствие летчиком. А сейчас это сделать невозможно...

Кругом бушевало море огня, оглушающе били орудия, строчили, захлебываясь, пулеметы, в небо поднимались огромные столбы взрывов. Это был один из самых горячих участков фронта.

«Подожду. Наши скоро пойдут в наступление, — думал я, прижимаясь к самому дну неглубокой канавы. Затекал кровью левый глаз, болела раненая щека. — А если немцы начнут погоню? — обожгла тревожная мысль. — Нет, они не сделают этого, не до погони им сейчас».

Таился в распадках и глухой чащобе двое суток. За это время съел всего лишь две витаминные таблетки-горошинки да попробовал гроздь ягод, свисавших с калинового куста. Ягоды были горькими. Глотнул воды из лужицы — горечь пропала.

Прошли еще сутки. Прилетали Ю-87 бомбить передний край наших войск, но зенитчики открыли такой огонь, что бомбовозы, сбросив куда попало свой груз, поспешно убрались. Ночью приходили наши «кукурузники», сбрасывали бомбы и листовки на территорию, занятую немцами.

На четвертые сутки, когда утихла стрельба, я решил перейти линию фронта. Хотя ноги ослабли и в глазах начало темнеть, кое-как собрался с силами и подошел к какой-то речушке. Однако перейти ее не удалось: у одного из кустов, над самым берегом, стояли два дозорных. Пришлось ожидать вечера.

С наступлением темноты с трудом переправился на восточный берег. Жадно напившись, у приметного места за-

рыл документы, обернув их в носовой платок и переложив дубовой корой...

Шел две ночи, оступаясь, падая и снова вставая. Днем замирал в кустах, боясь привлечь к себе внимание гитлеровцев. С каким-то отчаянным упорством перебрался через противотанковый ров, заполненный водой. Только выбрался на край, как, гогоча и хрюкая от удовольствия, в воду бултыхнулись четверо немцев. Я разрядил последнюю обойму своего безотказного ТТ, и гитлеровцы навсегда остались в этом рву.

Теперь у меня были документы убитых и оружие. Много оружия.

На третью ночь скитаний с какой-то высоты по мне стегнула пулеметная очередь. Я припал к земле. Пули прошли выше. Пришлось ползти в сторону. Но и там — стрельба, ракеты. Раза два наткнулся на траншеи, в которых слышалась чужая речь. Наши били по немцам изо всех видов оружия.

«Видно, не пройти... Надо возвращаться назад, искать партизан под Ельней», — вынужденно принял я решение.

Четвертый день пришлось провести в неширокой полоске ржи. Попробовал зерна, но отоцавший организм не принимал их. Словно радуясь мукам моим, над головой противно каркало воронье.

— Врете! Я еще повоюю, — охрипше погрозил черным хищникам.

Запасшись колосьями, с наступлением сумерек снова побрел. Далеко за полночь наткнулся на деревню. Обрадовался было, но радость оказалась преждевременной: в деревне стояли немцы...

В ночь на 28 августа я настолько ослаб, что дальше идти не мог. Это были четырнадцатые сутки скитаний. Кружилась от голода голова, подкашивались ноги. Потискав зубами ремень, ощутил забытый вкус чего-то съестного и потерял сознание.

Очнувшись, услышал артиллерийскую стрельбу. На востоке горела рассветная заря. Неподалеку от себя я увидел двух женщин, собиравших морошку. Услышав мой голос, они насторожились, попятились в кусты. Потом одна из них, что помоложе, спросила:

— Русский?

— Орловский, бабоньки...

Женщины бросились ко мне. Не желая показывать свое

слабость, я попытался подняться. И поднялся. Только идти уже не мог. Спутницы довели меня до выселок из шести домов, отмыли, отходили. Потом они рассказали, что дорогу в партизанский стан знает один паренек.

Паренька звали Гришуткой. Явившись к вечеру неизвестно откуда, он сообщил не очень радостную для меня весть — партизан поблизости не было, они уцли в другой район.

— Да вы не беспокойтесь, — ободрял меня Гришутка. — Наши перешли в наступление. Взяли Спас-Демянск. Скоро здесь будут!

Спать меня положили в омет соломы. Проснувшись, я был поражен увиденным: куда-то на запад шли под конвоем немецких охранников женщины, дети и подростки.

Перед вечером снова прибежал Гриша.

— Немцы удирают... наших угнали, а я смотался от них...

Заняв станцию Коробец, наземные войска находились уже в двадцати километрах восточнее Ельни. Они подходили все ближе и ближе, и мне так хотелось рвануться им навстречу! Но я не мог: отказывали ноги.

...Как сквозь сон помню суетливо отступавшего противника, беспорядочную стрельбу. И наконец, радостный возглас Гришутки:

— Пришли танки! Красные звезды на бортах!

Опираясь на палку, принесенную пареньком, я подошел к танкистам. Кончились мои мытарства.

— Эка, братец, ты и на летчика-то не похож, — сочувственно сказал кто-то из танкистов. — Пойдем к командиру, там разберемся...

После госпиталя я снова попал в родной полк. Первым, кого встретил, был заместитель начальника штаба капитан Шаповалов.

— Батюшки... Кого вижу?! — не веря своим глазам, воскликнул он.

Мы обнялись.

— А ведь я отправил на родину... извещение о твоей гибели... И вещички отослал.

— Рановато. Мне еще надо рассчитаться с врагами...

Спустя некоторое время я разыскал документы, которые зарыл на берегу речушки. А потом мне вручили «по-

смертную» награду — орден Отечественной войны I степени и гвардейский знак.

И снова началась обычная фронтовая работа.

Запись четвертая

Впрочем, продолжать не стоит: я ведь не собирался полностью обнародовать «Голубую тетрадь». Может быть, и объявится ее настоящий хозяин.